

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Научная статья / Research article

Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг.

О.А. Милевский

Сургутский государственный педагогический университет;
628417, Россия, ХМАО – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; olegmilevsky@mail.ru

Anatomy of the Protests of Political Exiles in Western Siberia in the 1880s

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University; 10/2, 50 years of the Komsomol St., Surgut,
Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, 628417, Russia; olegmilevsky@mail.ru

Аннотация: В статье на основе использования исследовательских подходов, присущих направлению региональной истории, изучаются ранее малоизвестные страницы истории западносибирской политической ссылки. Это позволяет под другим углом зрения посмотреть на сам механизм функционирования института политической ссылки, в том числе в плоскости взаимоотношений губернская власть – политические ссыльные. Источниковой базой статьи являются ранее не введенные в научный оборот документы из архивохранилищ Тобольска и Сургута. На основе анализа различного вида источников выявляется комплекс причин, вызывавших столкновения политических ссыльных с местной администрацией и приведших в итоге к серии протестов политической ссылки. На примере реконструкции и изучения повседневной жизни ссыльных революционеров анализируется механизм принятия решений центральной и губернской властью в отношении революционеров, находящихся на положении политических ссыльных. Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни политссыльных на Тобольском севере, в частности в городе Сургуте, где противостояние ссыльных и местной администрации дошло до крайней степени напряженности, что привело в 1888 г. к «Сургутскому протесту», а в дальнейшем стало толчком к крупнейшему в истории политической ссылки Якутскому протесту 1889 г., закончившемуся уже прямым кровопролитием. На основе изученного материала автор приходит к выводу, что недалёковидность царского правительства, а также мелочное и мстительное желание обслуживающих его чиновников всех уровней, чему пример Тобольская губерния, жестоко и часто чрезмерно покарать и наказать противников существующей политической системы имело пагубные для Российской империи последствия: с одной стороны, все более накаляя страсти во взаимоотношениях власти и оппозиционной части общества, а с другой, серьезно подрывая престиж самодержавия на международной арене и склоняя чашу мирового общественного мнения в сторону поддержки российского революционного движения.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политическая ссылка, Тобольская губерния, Обской Север

Для цитирования: Милевский О.А. Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 654–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Abstract: Using the methods of regional history, the present paper studies some little-known pages of the history of the political exile life in Western Siberia. The present case gives us a new perspective on the institution of political exile, and insights into the relationship between the provincial government

and political exiles. The article is based on hitherto unstudied documents from the archives of Tobolsk and Surgut. The focus is on collisions of political exiles with the local administration, which resulted in a series of protests by political exiles. Reconstructing the daily life of exiled revolutionaries, the author analyzes the decision-making by central and provincial authorities towards exiled revolutionaries. Special attention is paid to the life circumstances of political prisoners in the Tobolsk North, in particular in the town of Surgut, where the confrontation between exiles and the local administration reached an extreme degree of tension, leading in 1888 to the "Surgut protest". These events later triggered the Yakut protest of 1889, the largest in the history of political exile, which ended in direct bloodshed. The author emphasizes the short-sightedness of the tsarist government as well as the petty and vindictive desire of officials at all levels to brutally and often excessively punish opponents of the existing political system. These factors had harmful consequences for the Russian Empire. On the one hand, the relationship between the government and the opposition became more tense; on the other, the harsh treatment of political exiles seriously undermined the prestige of the autocracy on the international scene, moving world public opinion into the direction of supporting the Russian revolutionary movement.

Keywords: Revolutionary movement, populism, autocracy, political exile, Western Siberia, Tobolsk province, "Order of exiles", Ob North, "Surgut protest", "Yakut tragedy"

For citation: Milevsky, Oleg A. "Anatomy of the Protests of Political Exiles in Western Siberia in the 1880s." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 654–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Введение

Протесты политических ссыльных, вызванные ужесточением режима содержания государственных преступников, имеют давнюю историю изучения. Наиболее известные из них – Якутская и Карийская трагедии 1889 г. – практически сразу же получили освещение в революционной печати и огласку в западной прессе. Эту «газетную компанию» организовал Дж. Кеннан¹. В годы Первой русской революции об этих событиях уже писала и отечественная либерально-демократическая журналистика². После «Великой революции»: 1917–1922 гг., когда в Советской России возникло «Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев», на страницах его журнала «Каторга и ссылка» было опубликовано большое количество материалов о самых мрачных и темных страницах карательной политики самодержавия. Выходили и отдельные сборники воспоминаний и документов, посвященных событиям в Якутске и на Каре³.

Советские и российские историки, а также ряд западных специалистов⁴ активно занимались и занимаются различными проблемами политической ссылки⁵, в том числе карательной политикой царизма⁶. Однако главное их внимание сосредото-

¹ *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 229; *Slulis T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // Russian Review.* 1970. Vol. 29. № 3. P. 275–285.

² *Мельшин Л.* *Vae Victis!* (Две трагедии 1889 года в Сибири) // *Русское богатство.* 1906. № 1. С. 1–18; Виллоец. Якутская трагедия 1889 г. (Из воспоминаний ссыльного) // *Русская мысль.* 1906. № 3. С. 55–77.

³ *Кротов М.А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным материалам. М., 1925; *Брагинский М.А.* Якутская трагедия. 22 марта (3 апреля) 1889 года. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925; *Ростов Н.* Карийская трагедия. М., 1927; *Ивановская П.С.* Документы о смерти Сигиды // *Каторга и ссылка.* 1929. № 11. С. 108–127.

⁴ *Skok H.* *Polacy nad Bajkalem 1863–1883.* Warszawa, 1974; *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002. С. 265–277.

⁵ *Галиев В.З.* Ссыльные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1978; *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983; *Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998; *Пашков А.М.* Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX вв.: опыт переосмысления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2012. № 2. С. 112–126; *Мауль В.Я.* Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории Якутской политической ссылки) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2017. № 48. С. 80–87.

⁶ *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979.

валось как раз на изучении наиболее крупных столкновений между ссыльнокаторжанами и администрацией. В результате достаточно изученными оказались выше упомянутые события на Каре и в Якутске⁷, а также Сургутский протест 1888 г.⁸

Хотя сами революционеры в воспоминаниях не раз подчеркивали то обстоятельство, что «Якутская трагедия» имела свою предысторию⁹ и корни ее уходят в недальновидную и заведомо провокационную политику царизма по отношению к ссыльным революционерам, вылившуюся в ряде сибирских губерний в середине 1880-х гг. в локальные акции протеста. Поэтому, думается, чтобы лучше понять логику событий, приведших в 1889 г. политических ссыльных и власть к прямому столкновению, необходимо проанализировать обстоятельства, которые ему предшествовали.

Таким образом, целью данной статьи является изучение взаимоотношений политических ссыльных и властей прежде всего Тобольской губернии, дающее возможность выявить причины, приведшие к первым серьезным стычкам между ссыльными и администрацией в первой половине 1880-х гг. Именно их следствием и стали мощные протесты ссылки 1888–1889 гг.

Революционный подъем 1870-х гг. и правительственная реакция

События 1870-х гг. вошли в историю общественно-политической жизни России как эпоха ранее невиданного революционного подъема, связанного с движением революционного народничества. На этот период «бури и натиска» царское правительство ответило шквалом арестов. Апофеозом стал знаменитый процесс-монстр – «процесс 193-х», закончившийся 23 января 1878 г.¹⁰ В это время начинает быстро расти и количество ссылаемых за политические преступления на Русский Север и в Сибирь. Дальнейшее противостояние общества и власти еще более накалило политическую атмосферу в стране. На смену народничества «розовой юности», как называл его А.И. Желябов, пришли сначала «землевольты», а затем народовольцы – сторонники борьбы за политические свободы, в том числе и посредством использования против правительства террора¹¹.

Государство отреагировало на это ужесточением наказаний и еще более активным использованием такого метода воздействия на оппозицию, как административная ссылка. 5 апреля 1879 г. был оглашен указ, по которому вся Россия делилась на 6 военных округов под властью генерал-губернаторов, облеченных чрезвычайными полномочиями. В частности, они получили право на «высылку в административном порядке всех лиц, чье дальнейшее проживание в данном округе может считаться вредным для общественного порядка» и на «принятие всех мер, какие они сочтут нужными, для поддержания спокойствия и порядка в подчиненных им округах»¹².

То есть в руках «шести Аракчевых» (термин Н.А. Троицкого. – *О.М.*) оказалась огромная и практически неподконтрольная судебная власть с явной задачей за-

⁷ Гернет М.Н. История царской тюрьмы (1870–1900). М., 1981. С. 323–330; Троицкий Н.А. Царизм под судом... С. 74–76.

⁸ Роцевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 48–82.

⁹ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128; Майнов И.И. На закате народовольчества (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41–81.

¹⁰ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 43.

¹¹ Пелевин Ю.А. Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 80–83.

¹² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // С.М. Степняк-Кравчинский. Сочинения. М., 1987. С. 167.

душить распространение революционной крамолы. В результате число неблагонадежных сосланных в различные места империи перевалило с сотен до тысяч. Глава Верховной Распорядительной комиссии (далее – ВРК, создана в 1880 г. – *О.М.*) и Министерства внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов признал «пробывание в различных частях империи 2873 ссыльных, из которых все, кроме 271, были высланы в короткий период с 1878 по 1880 год»¹³. И это не говоря о лицах, находящихся под полицейским надзором, а их было в разы больше. По ведомости ВРК, к 1 января 1880 г. в стране насчитывалось 6790 поднадзорных¹⁴. Хотя среди приближенных к трону в этом же 1880 г. говорили о том, что «по всей России находится 400 тысяч человек под надзором полиции»¹⁵. Естественно, что немалая часть ссыльных по политическим статьям попала и в западносибирские губернии.

Тобольская губерния как центр политической ссылки в Западную Сибирь

Материалы Тобольского приказа о ссыльных (с 1870 г. находился в Тюмени. – *О.М.*), через который проходили все ссыльные Сибири и Степного края, показывают, что в 1864–1894 гг. в Сибирь поступало 57,32 % политических, получивших тяжелые наказания¹⁶. Всего же с 1882 по 1890 гг. в Сибирь административным порядком по политическим статьям было сослано 2018 человек¹⁷.

Центром стечения ссыльных в силу своего географического положения стала Тюмень, куда пребывали все ссыльные с Запада страны, отправляемые далее в Сибирь. Уже из Тюмени потоки перенаправлялись либо на Юг, в Степной край и юг Тобольской губернии, либо на Север, в Тобольск и далее на Обской север, либо на Восток, в Восточную Сибирь и Якутию. С 1883 г. была изменена и доставка ссылокаторжных в Сибирь. Теперь их стали отправлять этапом вместе с уголовными преступниками. Оценивая это решение, «Журнал политической ссылки» (был тайно напечатан в 1888 г. – *О.М.*) писал: «Неудобства этапного путешествия усугубляются грубостью и нахальством разного рода начальства, вследствие чего возникают столкновения»¹⁸. К этому можно добавить и неготовность сибирских пересыльных тюрем принимать резко возросшую в 1880-е гг. массу арестантов.

Вот как описывал положение дел в Тюменской пересыльной тюрьме посетивший ее в 1885 г. Дж. Кеннан: «Тюменская тюрьма первоначально была рассчитана на 550 арестантов, но позднее ее вместимость была увеличена за счет пристройки бараков до 850 человек. В день нашего посещения в ней находился 1741 человек... Вентиляции в камере практически никакой не было, и воздух был тяжел и отвратителен... Мы побывали в 6 камерах... и в каждой из них находилось в три или четыре раза больше того количества арестантов, на которые она была рассчитана»¹⁹. Естественно, что периодически в наэлектризованной обстановке пересыльных тюрем возникали конфликты политических с местной администрацией.

Так, в 1885 г. произошли беспорядки в Тюменской тюрьме, организованные 1-й партией политссыльных (30 человек)²⁰. Вот как описывал ситуацию «Журнал политической ссылки»: «Как только партия явилась в Тюмень, пересылаемым было

¹³ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей... С. 211.

¹⁴ Троцкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 32.

¹⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 45.

¹⁶ Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Д., 1983. С. 30.

¹⁷ Роцевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень, 1976. С. 31.

¹⁸ Лурье Г. Журнал безвременья // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 160.

¹⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). М., 1999. С. 134.

²⁰ Лазарев Е.Е. Моя жизнь. Прага, 1935. С. 263–264.

заявлено, что назначаемых в Тюкалинск, Тару; степи и проч., отправят пешком этапом вместе с уголовными. Зная все неудобства подобного путешествия, ссылаемые вынуждены были протестовать, и протест вышел дружный и сильный»²¹. Сохранилось и свидетельство очевидца и непосредственного участника событий 23 мая 1885 г. Е.Е. Лазарева: «Объявили, что “западники”, за исключением “сургутцев” и “березовцев”, отправляются на другой день пеше-этапным порядком. Утомленные, разбитые дорогой “западники” решили протестовать против такого пути и бороться силой. “Восточники” присоединились... Первая партия в прежние годы шла водой до Омска, и потому в отправке пеше-этапным путем следует видеть просто репрессалии правительства... мы решили позвать смотрителя и объявить, что завтра «западники» не поедут. Смотритель пришел, мы предъявили это требование и потребовали, чтобы он вызвал исправника. Смотритель уехал и привез отказ исправника. Тогда, готовясь к крутой развязке мы на сходке решили идти на крайности... Утром после раннего чая, стали готовиться к вооруженному отпору... Начали перекликать, и Гончаренко (ссылный. – *О.М.*), по ошибке, вышел за ворота, чтобы заявить свой отказ, но с этим выходом он фактически юридически считался сданным конвою. Его уже не пускали во двор, и он, воспользовавшись оплошностью солдат, бросился к калитке... Произошла свалка: мы тащили Гончаренко во двор, а солдаты – на улицу. Вскоре мы взяли верх. После этого возбуждение дошло до крайних пределов, и мы отказались идти на вызов. Вошел офицер и заявил издали, что нас возьмут силой. Мы тотчас же вошли в камеру и хотели баррикадироваться»²².

Далее события разворачивались следующим образом. В ситуацию вмешался исправник, и был составлен протокол о неповиновении, а требования ссылных были отправлены телеграммой губернатору. В дальнейшем 25 мая состоялась встреча ссылных с губернатором, после которой было объявлено, что «степняки отправятся по маршруту прежних лет – водой до Омска, а “ишимцам” обещали возможное облегчение»²³. Конечно, это была хоть маленькая, но победа ссылных. В дальнейшем по пути водного следования части этой партии из Тобольска в Сургут из-за неисполнения по прихоти конвойного начальника законных требований политических на перевозившей их барже также произошли серьезные беспорядки, которые едва не закончились применением конвойными оружия²⁴.

Это были только первые ласточки политических протестов, вызванных изменением режима доставки политических к местам ссылки. В 1886 г. по этому же поводу в Тюмени происходят столкновения с тюремной администрацией 1-й партии (19 человек) политссылных, но уже без выгодного для ссылных результата. Повидимому, это свидетельствовало о том, что губернская власть получила санкции свыше на более жесткие действия. Эпоха революционного безвременья брала свое. Власти и в центре, и на местах чувствовали себя все более уверенно и безнаказанно в своем наступлении на права политических арестантов.

Конечно, столкновения происходили и в других тюрьмах – это и события 1887 г. с 4-й партией политссылных в Томске, и безобразия с избиением и заковыванием в кандалы политического Фурора (1888 г.), отправляемого в Ахтубу²⁵. Сходные истории тогда происходили на этапах и в тюрьмах других регионов империи, предназначенных для мест ссылки политических преступников.

Но в Тобольской губернии ситуация оказалась наиболее сложной. Здесь совпали два фактора. Во-первых, эта губерния выступала в роли своеобразных «ворот

²¹ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 160.

²² Лазарев Е.Е. Моя жизнь... С. 264.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 160.

²⁵ Там же. С. 165.

в Сибирь». То есть в Тюмени на короткий срок концентрация ссыльных была наивысшей. Во-вторых, с начала 1880-х гг. Тобольская губерния стала крупнейшим в Западной Сибири центром скопления политических ссыльных. По оценке Л.П. Рощевской, всего в Тобольской губернии «в 1878–1890 гг. политических было 212 человек из 520 (тех, кто находился в имеющихся статейных списках)»²⁶, при этом одновременно в Акмолинской области максимальное число ссыльных составляло 41–44 человека, в Семипалатинской – 54–57, в Томской – 54–58, а в Тобольской – 110–118²⁷.

Поэтому от эффективности действия местных властей зависело многое. В это время губернатором был В.А. Лысогорский (1878–1886 гг.), начало деятельности которого выпало на период серьезного внутривластного кризиса в стране, вызванного убийством народовольцами Александра II. После событий 1 марта 1881 г. глава ВРК М.Т. Лорис-Меликов отправил ему следующее предписание: «Ваше превосходительство, имейте обращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и всякое отдельное нарушение порядка, восстанавливая истину соответствующими объяснениями, и нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер лично и через лиц вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россией дней»²⁸.

В соответствии с указаниями сверху В.А. Лысогорский предпринял меры по усилению бдительности. В одном из своих распоряжений от 14 июля 1881 г. он прямо указывал: «Полицейские власти и учреждения побудить иметь усиленное наблюдение за всеми вообще прибывающими неизвестными лицами и теми из временных или постоянных жителей, которые навлекают подозрение в неблагонадежности, а равно и за сношениями их»²⁹. Понятное дело, что подобного рода инструкции падали на благодатную почву, а учитывая низкий культурный уровень местных полицейских урядников, не говоря уже о низших полицейских чинах, порождали массу поводов для будущих конфликтов со ссыльными.

Не будем забывать и того обстоятельства, что 1880-е гг. – это период правительственной реакции. Тягостная общественная атмосфера не могла не оказывать гнетущего психологического воздействия на ссыльных революционеров. В такой ситуации они выбирали для себя различные стратегии поведения. Одни из них, обычно мало скомпрометированные перед властями, смирились с действительностью и стремились просто выжить, чтобы затем вернуться в Европейскую Россию и начать жизнь с чистого листа. Кто-то замыкался в себе, тяжело переживая свою участь и гибель того дела, которому служил – это, в свою очередь, могло вести к депрессиям, психическим расстройствам, алкоголизму и самоубийствам. Часть ссыльных, имевшая высокий интеллектуальный уровень развития и сохранившая интерес к учебе, начинала активно заниматься самообразованием, уходила в науку и многое сделала для изучения Сибири. Немало среди ссыльных было и несломленных бойцов, ощущавших себя пленными, но не сдавшимися. Эта позиция будет позже озвучена якутскими ссыльными: «Мы понимаем, что ссылка является тем же полем борьбы против произвола и насилия, как и то, что мы здесь остаемся теми же борцами, что и на воле, только в иных условиях»³⁰.

Но на деле революционное движение к середине 1880-х гг. явно пошло на спад. Натиск «Народной воли» самодержавие отбило. Страна понемногу успокаивалась и

²⁶ Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень, 1976. С. 31.

²⁷ Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 30.

²⁸ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Ковалова. Тюмень, 2000. С. 349.

²⁹ Там же. С. 354.

³⁰ Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142.

сползала к периоду «контрреформ» Александра III. Все это еще более остро ощущалось в настроениях осужденных и высланных, они-то были людьми подневольными, вынужденными терпеть произвол начальства. С.П. Швецов отмечал: «В самом положении политссыльного того времени было два обстоятельства, которые в каждый момент могли послужить источником самых разных столкновений между политссыльными и полицией. Это прежде всего требование политссыльными от всякого “начальства”... корректного с ними обращения. А затем, право загородных отлучек, что вызывалось отчасти соображениями экономического порядка»³¹.

И здесь-то Тобольская губерния отличалась явно не в лучшую сторону. Именно в ней посредством прикрывающегося либеральными фразами В.А. Лысогорского с 1882 г. начинает устанавливаться униженный, а зачастую и чрезмерный контроль за проживанием политических ссыльных, что, например, разительно контрастировало с соседней Томской губернией, где отношение властей к поднадзорным в то время было достаточно лояльным. Это отмечал даже такой суровый критик царского режима, как Дж. Кеннан: «Положение политических ссыльных в Томске было лучше, чем где-либо во всей Сибири... власти не были так своевольны, как в Тобольской губернии; политические ссыльные могли свободно сходить друг с другом; корреспонденция по большей части не подлежала просмотру полиции; вообще, вся жизнь в Томске была вполне сносно»³². Это же можно сказать и о Степном губернаторстве³³.

Иначе дела обстояли в Тобольской губернии. Причем губернские власти зачастую расширительно и не в пользу политических трактовали даже официальные документы, регламентирующие положение политических ссыльных. Так, в 1882 г. было принято «Положение о поднадзорных», где в параграфе 1 было сказано, что оно не применяется к лицам, отданным под надзор, в силу состоявшегося о них судебного приговора. В практике же тобольских властей оно применялось и в отношении этих лиц, и это несмотря на прошения ссыльных на имя губернатора и МВД³⁴.

К тому же в 1883–1884 гг. в губернии начались запреты даже на кратковременные отлучки за город. Так, в Ишиме внешняя граница города обозначала предел передвижения для ссыльных. Пересечение этой черты и посещение соснового бора в нескольких километрах от Ишима с целью сбора грибов в 1883 г. стало причиной жандармского доноса исправника Киселева на политссыльного писателя-народника Н.Е. Петропаловского (Коронина). В результате последний по решению губернатора был за самовольную отлучку подвергнут недельному аресту³⁵.

Абсурдность ситуации был в том, что во многих местах губернии, особенно на Тобольском севере, подобные отлучки диктовались не желанием подышать свежим воздухом, а насущной необходимостью, связанной с обеспечением себя продовольствием (охота, рыбалка, сбор дикороссов) и хоть каким-то дополнительным заработком. Поэтому ссыльным приходилось обращаться по каждому случаю планируемой отлучки к официальным лицам. Вот одно из таких обращений. К губернатору в 1882 г. обращается Д.К. Пршибасов: «Вследствие распоряжения Экспедиции о ссыльных я заключен в Кондинское общество по категории лишенного всех прав состояния с трех летнюю льготой. Таким образом, я должен был бы пользоваться паем в тех промыслах, которыми занимаются здешние крестьяне. К сожалению, пай у меня есть, но пользоваться им по причине запрещения отлучки за черту селе-

³¹ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 120.

³² «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 83.

³³ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 156.

³⁴ Там же. С. 154.

³⁵ Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. С. 118.

ния, я не в состоянии. Между тем, если Ваше Превосходительство вспомните положение селения Кондинского, то увидите, что из окрестностей гораздо труднее бежать чем из самого селения. Все же промыслы находятся вне селения. В виду этого я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство просьбою о разрешении мне выезда на промыслы под поручительством кого-нибудь из старожил. При этом я должен прибавить, что отлучаться на промыслы всегда приходится с народом вследствие чего бегство невозможно, и что без подобных отлучек приписка к обществу и трехлетняя льгота для меня не имеют никакого значения. Отлучаться на промыслы приходится недалеко и ненадолго причем я все также могу согласно подписке являться 1 раз или даже 2 в неделю к начальству, под надзором коего я состою»³⁶. В свою очередь, такая несуразность раздражала ссыльных и нередко порождала столкновения с местным исправником.

Усилили власти и общий контроль за поднадзорными, широко практикуя поквартирный обход, а по положению они могли без всякого предупреждения вторгаться в жилища, занимаемые ссыльными. Кроме того, на местах брали подписки с местных жителей в домах, в которых проживали ссыльные, о том, что те будут информировать власти о «противозаконных действиях» последних. Требовали также расписок и с самих ссыльных. Вот пример подобной расписки, данной Н.А. Короткевичем: «1881 г. 23 ноября. Я, нижеподписавшийся даю сию расписку господину Березовскому окружному исправнику в том, что я обязуюсь являться каждый день в Березовское полицейское управление в 11 часов утра и... не отлучаться из города Березова дальше жилых строений»³⁷. Подобный тотальный контроль, инициированный на местах с подачи губернской власти, провоцировал еще больший рост недовольства среди ссыльных. Причем такая ситуация была характерна для всей Тобольской губернии.

Так, например, Туринск хотя и считался «неплохим местом ссылки», но все бывшие там ссыльные в 1880-х гг. отмечали, что порядки тамошние издавна установились для ««политиков» несноснейшие»³⁸. Полицию местную совсем задержали требованиями не спускать глаз с «государственных преступников»³⁹, что в силу своего разумения та и пыталась делать, множа и порождая конфликты. Неудивительно, что именно там и произошло очень серьезное столкновение политссыльного с представителем местной жандармской власти.

3 сентября 1884 г. в момент очередного поквартирного обхода между политссыльным Г.А. Глико и жандармским надзирателем А. Томиловым произошел очередной конфликт с применением уже физического насилия. Из полицейского рапорта явствовало, что «Глико нанес Томилову удары палкою по лицу в правую щеку и по рукам, но свидетелей при этом не было, так как дело происходило в комнате»⁴⁰. По итогам разбирательства на имя губернатора туринским исправником Д. Навродским был направлен рапорт, в котором содержалась просьба о переводе Г.А. Глико из Туринска «во избежании более серьезных последствий, могущих произойти между стражниками и Глико, так как он их не редко оскорблял словами, при посещении его квартиры»⁴¹. В отношении же данного инцидента исправник писал, что «следствие по этому предмету начать нельзя, по неимению свидетелей»⁴². В результате дело

³⁶ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУ ТО ГА в г. Тобольске). Ф. И 152. Оп. 8. Д. 400. Л. 123 об.

³⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 531. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

³⁸ *Майнов И.И.* На закате народоальчества (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 1. Д. 84. Л. 403.

⁴¹ Там же. Л. 405.

⁴² Там же.

ограничилось решением губернатора о переводе ссыльного в более северный город Березово⁴³. Схожий случай произошел и в 1885 г., когда политссыльный В.А. Померанцев дал пощечину полицейскому стражнику, за что и был переведен из Сургута в Березово⁴⁴.

В условиях постоянного наступления на права ссыльных было вполне объяснимо их желание выйти из-под действия репрессивного законодательства с помощью побегов. И таковые попытки в начале 1880-х гг. не раз предпринимались. В основном они шли из населенных пунктов Тобольской губернии, расположенных на юге. Так, например, в 1882 г. из Кургана бежали известный революционер С. Иванов, а также А. Беляевский, Н. Тулузаков, Ф. Шефтель, а из Пельма И. Коломиец⁴⁵. В 1883 г. из Ишима бежала О. Кафиеро (урожденная Кутузова), из Кургана – Л. Чемоданова и Иванова, из Тары – Н. Волянский, из Мариинска – М. Лаговский⁴⁶.

В свою очередь, губернские власти для предотвращения побегов рекомендовали усилить контроль за ссыльными. Причем делалось это по-иезуитски двусмысленно и окончательно сбивало местную власть с толку. Так, в одном из своих распоряжений губернатор ставил перед полицейскими чинами весьма «деликатную» задачу, в очередной раз подчеркивая, что «местная полиция должна строго наблюдать за тем, чтобы поднадзорное лицо не только не имело возможности оставить назначенное для него место жительства, но даже временно не отлучалось бы за черту поселения, для чего в инструкции Начальникам полиции предлагаются надлежащие правила (п. 8, 9 и 10)». Но этой же инструкцией далее рекомендуется «особенная осторожность по наблюдению за преступниками, так, чтобы оно ни к коем случае не было стеснительным или оскорбительным для подчиненного надзору полиции»⁴⁷.

То есть губернатор предписывал полицейским чинам действовать строго – за пределы города ссыльных не выпускать и при этом соблюдать максимальную корректность. Естественно, это вызывало настоящий когнитивный диссонанс в головах местных служаков! Такая позиция губернских властей фактически создавала ситуацию «порочного круга», провоцируя и множа новые конфликты. Так, большую известность получило сопротивление ссыльных в 1884 г. в Ялуторовске. Они вышли встречать вновь прибывшую партию политических, а так как конвойные окружили прибывших, то попытались прорваться сквозь охранение. В результате началась потасовка, и Н.Л. Зотов сорвал погон у начальника военной команды⁴⁸.

В такой ситуации, когда политссыльные отказывались давать подписки о виновности, выходили на прогулки за городскую черту, открыто демонстрировали неуважение к исполнению обязанностей нижними полицейскими чинами, да еще и устраивали побеги, у власти появился соблазн решить все проблемы одним махом, перенеся место ссылки для наиболее «буйных головушек» подальше, а именно – на Тобольский Север. Надо сказать, что в данном случае власти губернии действовали в общем тренде политики МВД, которая заключалась в том, чтобы наиболее опасных в представлении властей революционеров отправлять в такие места, откуда бы они не могли ни вести разрушительной для властей деятельности, ни сбежать. Так, например, в 1884 г., сразу же после открытия Шлиссельбурга министром внутренних дел было предложено генерал-губернатору Восточной Сибири «принять самые решительные меры к водворению порядка в тюрьме (на Каре. – *О.М.*) и предупреж-

⁴³ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 1. Д. 84. Л. 410.

⁴⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 142.

⁴⁵ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1907. С. 225.

⁴⁶ Там же. С. 248.

⁴⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 8. Д. 84. Л. 388 об.

⁴⁸ Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы... С. 85.

дению побегов арестантов, причем выражено было, что для достижения первого не встречается препятствий к отправлению в Департамент полиции главных зачинщиков беспорядка, не более шести человек и притом долгих сроков». В результате 4 августа 1884 г. 10 узников из Кары были доставлены в только что открытую Шлиссельбургскую крепость⁴⁹.

В отношении Тобольской губернии, где также было немало побегов, возмущений и протестов, решено было использовать в качестве «тюрьмы без решеток» населенные пункты Тобольского севера. На один из запросов МВД в 1883 г. губернатор ответил, что «наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население там наиболее отсталое и не поддается пропаганде»⁵⁰.

На пути к «Сургутскому протесту»

Следует признать, что идея губернатора превратить Сургут в центр скопления наиболее опасных в глазах властей политических преступников строилась только на основе географического положения этого населенного пункта. В этом отношении огромный Сургутский край действительно поражал своей незаселенностью. Его население составляло к концу 1870-х гг. примерно 6,5 тысяч человек, не считая самого Сургута, где проживало еще около 1200 человек⁵¹. Плотность населения в Сургутском крае, без самого Сургута, составляла 1 человек на 295 кв. верст. Для сравнения: в Якутской области, которая слывла самым тяжелым местом ссылки в 1880-х – 1890-х гг. в самом густонаселенном Якутском округе, плотность населения составляла 1 человек на 5,17 кв. версты, а в Колымском – 1 человек на 105,6 кв. версты. То есть по плотности населения Сургутский край уступал даже Якутской области. Крайне суровым был и климат этого «края лесов и болот».

Однако, делая ставку на Сургут как естественную тюрьму, власти не учли ряд других важных факторов. Во-первых, это отсутствие хотя бы минимальной социальной инфраструктуры, которая давала бы возможность ссыльным, среди которых было немало образованных людей, по-иному приложить свои силы. Пример тому Енисейская губерния, где в Минусинске ссыльные, например Д.А. Клеменц, не только участвовали в работе местного музея, но и получали возможность длительных легальных отлучек для проведения экспедиционных исследований⁵². Про библиотеку в Сургуте и речи не шло. Да и в целом с книгами дело обстояло очень плохо. Ссыльные преимущественно довольствовались журналами и газетами, присылавшими им товарищами из-за Урала⁵³.

Во-вторых, Сургут был слишком мал для помещения туда большой колонии ссыльных. В пиковый период 1887–1888 г. получалось, что 1 ссыльный приходился менее чем на 50 жителей. Это, в свою очередь, создавало большие трудности для получения ссыльными хоть какого-нибудь дополнительного заработка, так как казенного пособия для покрытия хотя бы минимальных медико-биологических потребностей организма не хватало. Минимум для более или менее сносного прожи-

⁴⁹ Колосов Е.Е. Государева тюрьма – Шлиссельбург. М., 1930. С. 77.

⁵⁰ Роцевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 53.

⁵¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской и др. Екатеринбург, 1998. С. 38, 39.

⁵² Милевский О.А. Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 2. С. 100–108.

⁵³ Швецов С.П. Ник. Як. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 216.

вания в Сургуте составлял 10 рублей в месяц⁵⁴ (при казенном пособии для привилегированного 6 рублей, а для непривилегированного – 3 руб. 30 копеек. – *О.М.*). При этом отлучаться за пределы населенного пункта, даже с целью какого-либо промысла, без специального разрешения было нельзя.

И наконец, в-третьих, власти не учли и чисто полицейского фактора. Имеется в виду нехватка личного состава надзирателей для организации должного (с точки зрения существующих в губернии регламентов. – *О.М.*), контроля за политссыльными. Впоследствии на это указывали сами представители «силовых структур». Так, 23 февраля 1888 г. начальник тобольского ГЖУ писал: «Политические ссыльные в г. Сургуте в последнее время ведут себя до такой степени дерзко, что по ограниченности личного состава в этом городе чинов общей полиции, является небезопасным дальнейшее помещение на жительство в оный политических ссыльных, где они благодаря и без того значительному их скоплению, совершенно игнорируют существующий над ними гласный надзор полиции»⁵⁵.

Однако власти осознают это позже, а пока, начиная с 1885 г., в Сургут, который, по характеристике С.П. Швецова (отбывал ссылку в Сургуте в 1880–1881 гг. – *О.М.*), представлял из себя «ничтожное поселение, по какому-то недоразумению носящее название города»⁵⁶, начинают активно перемещать из других мест губернии политических преступников. Особенно активно эта практика стала реализовываться при новом губернаторе В.А. Тройницком (1886–1893 гг.).

В одном из писем ссыльных губернатору была дана крайне уничижительная характеристика: «Губернатором... теперь некто Тройницкий – либерал который объявил ссыльным, что входит в их положение и будет стараться не ухудшать его без нужды. Первым шагом его либеральной деятельности было воспрещение загородных прогулок: ссыльные единодушно выразили протест этому бесправию... Немедленно после этого последовали страшные преследования, одних арестовали, других переселили, затем большинство выслали на дальний север»⁵⁷.

В результате к зиме 1887–1888 гг. в Сургуте находилось уже 25 политссыльных. Это была одна из самых больших ссыльных колоний не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири. Кто-то в Сургуте находился еще с конца 1870-х гг., как член «Южнороссийского союза рабочих» В.Я. Мрачковский, кто-то поступил в начале 1880-х гг., как в 1883 г. народники-пропагандисты супруги А.Н. и Е.Н. Аверкиевы, или в 1884 г. – студент Н.А. Блинов. Но многие попадали в Сургут уже из других мест Тобольской ссылки за различные правонарушения. Так, в 1884 г. сюда перевели из Ишима В.А. Броневского, дважды пытавшегося бежать. В 1885 г. из-за подозрения в подготовке побега из Ишима переводят Д.И. Ослопова⁵⁸, а в 1886 г. из Туринска – народовольца Я.И. Дибобеса⁵⁹.

В 1887 г. из того же Туринска в Сургут был отправлен В.Я. Яковлев (Богу-чарский), докучавший властям защитой законных прав ссыльных. По воспоминаниям товарищей, он прекрасно изучил все правительственные документы, регламентирующие ссылку, и выступал главным ходатаем по всем спорным вопросам между ссыльными и администрацией. В результате нажил себе массу недоброжелателей и «после одной из тамошних “историй”, он и еще несколько человек, столь же упрямых

⁵⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 154.

⁵⁵ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 64.

⁵⁶ Швецов С.П. Н.Я. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 215.

⁵⁷ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 53.

⁵⁸ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 155.

⁵⁹ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 11. Д. 13. Л. 24.

в бумажной борьбе за свои, будто-бы права, вылетели в Сургут»⁶⁰. Среди них были: Л.М. Рудницкий, П.И. Зарембо, И.И. Лазаревич, Я.А. Меримкин, А.Т. Вадзинский, Л.В. Колегаев⁶¹. Из Ялуторовска перевели наиболее активных участников «событий 1884 г.» и участников «систематических отлучек за город»: М.П. Орлова, А.В., Молдавского, А.Н. Лебедева и Н.Л. Зотова⁶².

По подсчетам Л.П. Роцевской, из 25 политссыльных Сургута 17 человек до перевода сюда участвовали в Западной Сибири «в различных столкновениях с полицией, писали протесты и заявления, то есть проявили себя людьми, не желавшими уступать и подчиняться правительству»⁶³.

Следует отметить, что и до их прибытия взаимоотношения между ссыльными Сургута и местным исправником складывались не просто. Так, исправник Разумовский и помощник исправника Иноземцев неоднократно докладывали губернатору о постоянных отлучках ссыльных за городскую черту и их непозволительном поведении. В частности, это были несанкционированные отлучки Н.И. Гамолицкого, Л.А. Иванова, В.А. Броневского и А.Н. Аверкиева «по разным надобностям» – на рыбалку, в лес на обжигание угля (для кузнечного ремесла А.Н. Аверкиева и В.Я. Мрачковского)⁶⁴. Отлучки ссыльных за пределы Сургута Л.А. Иванов объяснял тем, что «...в городе нельзя найти не только работы, но и почти жизненных припасов... потому что иначе невозможно поддерживать свое существование в таком месте, где никакие ремесла не обеспечат это существование и природные жители живут исключительно промыслами»⁶⁵.

Другое столкновение с представителями власти произошло у Н.А. Блинова в 1886 г. В результате он по приговору Тобольско-Сургутского окружного суда 2 недели провел под арестом⁶⁶. Не раз в 1887–1888 гг. возникали, конфликты между исправником и политссыльными из-за попыток последних встретиться на пристани со следующими через нее партиями государственных преступников. Особую известность приобрел инцидент 2 июля 1887 г., зафиксированный в секретном рапорте окружного исправника тобольскому губернатору⁶⁷. 12 сентября 1887 г. он опять направил в Тобольск рапорт о нарушении ссыльными распоряжений губернатора и о самовольной отлучке их к пристани⁶⁸.

Случались между ссыльными и исправником и открытые конфликты на бытовой почве. Наиболее вопиющий случай произошел под новый 1888 г., когда все ссыльные собрались вместе. В дом ворвался исправник, сорвал маску с одной из жен ссыльного и ударил ее. Чаша терпения переполнилась. В.Я. Мрачковский отнял и сломал у исправника шашку и все вместе вытолкнули его из помещения, за что В.Я. Мрачковский был подвергнут аресту⁶⁹.

Так что колония сургутских ссыльных к началу 1888 г. представляла из себя, по мнению власти, людей «отпетых», с которыми можно было не слишком церемониться. Однако это порождало отпор со стороны последних. Фактически губернские власти создали в Сургуте критическую массу из людей, доведенных до крайней

⁶⁰ Майнов И.И. На закате народолюбства (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 42.

⁶¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской и др. Екатеринбург, 1998. С. 408–409.

⁶² Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 55.

⁶³ Там же. С. 56.

⁶⁴ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 10. Д. 100. Л. 40–41.

⁶⁵ Там же. Л. 8.

⁶⁶ Троцкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983. С. 394.

⁶⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 12. Д. 56. Л. 1–1 об.

⁶⁸ Там же. Л. 7.

⁶⁹ Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации г. Сургута. Ф. И. 217. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

степени раздражения и готовых в отстаивании своих человеческих прав идти до конца.

Очень точно эту взрывоопасную психологическую ситуацию в плоскости взаимоотношений политссыльные – местные власти изобразил С.П. Швецов: «Здесь скопилось три десятка молодых людей, до последней степени раздраженных обрушившимся на них губернаторско-полицейским произволом и насилием, этапными мытарствами, полуголодным существованием в приполярном городишке, где для такой массы ссыльных никакой работы не могло найтись, полнейшею бездеятельностью и острым осознанием своего бессилия. Взрыв был неизбежен»⁷⁰.

Ситуацию усугубляло и практически полное отсутствие квалифицированной медицинской помощи. Формально в Сургуте существовала больница Приказа общественного Призрения. Она имела 12 кроватей, но обустроена была настолько плохо, что «сплошь и рядом здесь нельзя достать (в городе, конечно, нет аптеки, и лекарства продаются при больнице) самых элементарных медикаментов, вроде, например, хины или салицилового натра»⁷¹. Вообще эта больница не пользовалась популярностью среди населения, и зачастую в ней лежали доставляемые из округа остяки, преимущественно страдающие сифилисом⁷².

С медицинским персоналом дело обстояло еще хуже. По оценкам политссыльного И. Я. Неклепаева, специально занимавшегося этим вопросом, до 1888 г. на весь округ был один врач, и «когда он уезжал по округу, а в округе есть селения, отстоящие от Сургута на 1000 и более верст, не говоря уж про сургутские пути сообщения... то все городское население на несколько месяцев оставалось совершенно без всякой медицинской помощи на попечении одного фельдшера»⁷³. В свою очередь, среди поднадзорных были и люди со здоровьем, изрядно подорванным «тюремно-ссыльной эпопеей», и семьи с детьми.

Именно медицинская тема и стала спусковым крючком к самому серьезному в то время протесту политических ссыльных в России. События набирали оборот следующим образом. Находясь в Сургуте с 1880 г. Л.А. Иванов (который до этого с 1877 г. отбывал ссылку в Туринске. – *О.М.*) тяжело заболел. У него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. Эффективной помощи он в Сургуте получить, естественно, не мог, но даже с оказанием минимальных медицинских услуг из-за пьянства врача Соковнина были проблемы. Как вспоминал впоследствии С.П. Швецов: «Политссыльные товарищи Л.А. (Иванова. – *О.М.*) еще летом, во время навигации и пароходного с Сургутом сообщения, обратились к Тройницкому с просьбой разрешить Иванову временный перевод в Тобольск, где он мог бы быть помещен в больницу и ему была бы оказана требуемая медицинская помощь»⁷⁴. Однако на неоднократные просьбы ссыльных о переводе Иванова губернатор долго не отвечал⁷⁵, хотя это решение было полностью в его компетенции. Когда же наконец Л.А. Иванов получил разрешение на выезд в Тобольск, он был уже так плох, что по дороге 29 мая 1887 г. умер. Встречающие его в Тобольске ссыльные на свои деньги организовали похороны, которые вылились в настоящую политическую демонстрацию. «Подобные похороны имеют характер политической демонстрации»⁷⁶, – отзывался губернатор.

⁷⁰ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни... С. 124.

⁷¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных... С. 308.

⁷² Там же. С. 44.

⁷³ Там же. С. 307.

⁷⁴ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни... С. 125.

⁷⁵ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 58.

⁷⁶ Там же.

Но это было только начало. Известие о кончине Л.А. Иванова вызвало возмущение политссыльных по всей губернии, а особенно в Сургуте, где его все очень любили. Власть недооценила всю остроту ситуации, полагаясь на силу только надзирающе-карательных органов. Не изменилось и медицинское обслуживание.

В результате наплевательское отношение Соковнина к исполнению своих обязанностей продолжалось, что вызывало сильнейшее недовольство ссыльных.

Впрочем, и в этом случае никаких серьезных оргвыводов не последовало, и врач, пользуясь покровительством местных властей, продолжал прежнюю разгульную жизнь. В результате в декабре 1887 г. последовал новый эксцесс. Теперь он произошел с заболевшими И.И. Лазаревичем и В.Я. Яковлевым. Врач не смог установить диагноз и признал их здоровыми. В результате было отправлено очередное прошение к губернатору о перемещении в тобольскую больницу, так как «при существующих в Сургуте условиях никакое лечение немыслимо»⁷⁷. Власть вновь молчала. Возможно, такая реакция объяснялась тем, что губернатор усматривал в прошениях ссыльных симуляцию с целью попасть в Тобольск, откуда легче будет бежать. Но в любом случае ситуация выходила из-под контроля.

Следствием бездействия властей стало то, что 22 декабря 1887 г. ссыльные Сургута числом 21 человек подписали коллективное заявление губернатору, в котором подчеркивалось, что они использовали все легальные средства, чтобы обратить внимание «на одно из незаконных и вопиющих нарушений наших прав». Они писали об отсутствии медикаментов и медицинской помощи, о невменяемости пьяницы и «психопата» – сургутского врача и делали следующий вывод: «Таким образом, всецело на Вас падает ответственность за смерть Иванова»⁷⁸.

Это и стало началом «Сургутского протеста», подробно исследованного Л.П. Роцевской. Он сопровождался подачей еще нескольких весьма жестких заявлений на имя губернатора и как постфактум отгектографированной петиции отправленной в МВД 16 февраля 1888 г. Документ был озаглавлен «Гонение политических ссыльных в Сургуте». А так как реакции губернских властей на обращение ссыльных не последовало, то они подготовили и осуществили побег из Сургута – И.И. Лазаревича и А.И. Лебедева. Он состоялся в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г. и был организован при прямой помощи местных жителей И.Ф. Кайдалова, Л.П. Кушника, А.Я. Баталына⁷⁹ и одного из полицейских надзирателей Проскуракова, вплоть до 10 марта скрывавшего побег от своего начальника⁸⁰.

Одной из целей побега являлось стремление донести информацию о происшедших в Сургуте событиях до российской, а по возможности и мировой общественности, что в результате и удалось сделать.

Последствия Сургутского протеста

«Сургутский протест» был подавлен в ночь с 17 на 18 марта 1888 г. тайно прибывшей в город полицейской командой во главе с тобольским полицмейстером Пасынковым. В ее составе кроме 8 прибывших с ним полицейских были также сургутский исправник и его помощник, 11 местных стражников и трое нанятых тут же лиц⁸¹. После облавы политссыльных, внезапно арестованных на рассвете, на подводах вывезли из Сургута. Первоначально их разбросали по различным селениям «низовой

⁷⁷ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 58.

⁷⁸ Там же. С. 59.

⁷⁹ Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 103.

⁸⁰ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 62.

⁸¹ Там же. С. 65.

Оби». В результате обстановка на всем Тобольском Севере оказалась взрывоопасной для властей.

Так, часть протестантов, а именно В.Ф. Казакова, супругов Аверикевых, Я.А. Меримкина, В.Я. Яковлева (Богучарского), А.Т. Водзинского, а также В.А. Померанцева из Березово отправили в Кондинское⁸², где вновь прибывшие нашли поддержку у переведенного туда ранее Г.А. Глико. В результате в Кондинском столкновения начались практически сразу же по прибытии туда новых ссыльных.

Уже 28 марта 1888 г. березовскому исправнику сообщалось о дерзком поведении В.А. Померанцева и Г.А. Глико⁸³. В рапорте надзирателя сообщалось следующее: «Будучи же у политического ссыльного Глико, перед уходом моим от него он высказал, чтобы я и не думал впредь ходить к нему в квартиру, а то, в крайнем случае будет для меня весьма неприятная встреча с ним при первом же нами его посещениях»⁸⁴.

Так, в обстановке жесткого противостояния прошла вся весна 1888 г. Казалось бы, когда все «протестанты» были распределены по северным деревням, из МВД пришло распоряжение о том, что необходимо возбудить против них дело по сургутским событиям. В результате началась новая полоса преследований и перемещений. Так, в конце мая в села Кондинское и Локосовское нагрянули жандармы, где обнаружили более 40 писем и запрещенные издания⁸⁵, и, похоже, что это мероприятие не обошлось без стычек с политссыльными, в том числе с участием Г.А. Глико и В.А. Померанцева.

Недаром по итогам этого жандармского набега было принято решение о переводе Г.А. Глико и В.А. Померанцева в более отдаленное и малонаселенное сельцо Кушеватское, а о степени оценки их опасности можно судить по тексту секретного послания губернатора березовскому исправнику (от 3 июня 1888 г.): «Признавая необходимым состоящих под надзором полиции г. Березова политических ссыльных: Гавриила Глико и Владимира Померанцева в виду дерзкого их поведения по отношению к чинам полиции, ныне же перевести на жительство в с. Кушеватское вверенного вам округа... А так как с водворением Глико и Померанцева в с. Кушеватское количество поднадзорных временно впредь до отправления находящихся увеличится до 5 человек, надзор за которыми должен быть более бдителен и строгий, чего конечно нельзя ожидать от одного сельского начальства, я предлагаю Вам Милостивый Государь, одного из находящихся в Вашем ведении надзирателей за политическими ссыльными назначить для улучшения надзора в село Кушеватское»⁸⁶.

Летом 1888 г. часть участников «сургутского протеста» для проведения следствия перевезли в тюрьмы губернии. М.П. Орлова, И.М. Соколова и Н.Л. Зотова – в Туринскую, супругов Аверкиевых и С.М. Лесневича – в Тарскую, Н.А. Блинова, Л.В. Колегаева и В.Я. Мрачковского – в Курганскую⁸⁷. В результате МВД приняло следующее решение по участникам «сургутского протеста» – М.Д. Гуревича, А.Т. Вадзинского, В.Я. Яковлева, А.В. Молдавского, а также чуть позднее Н.Л. Зотова, И.М. Соколова и М.П. Орлова (ранее были сосланы в Пелым. – *О.М.*) отправить в Якутскую область, а остальных расселить по селам Обского севера.

Под влиянием «Сургутского протеста» в 1888 г. в Сибири появился документ под названием «Протест русской политической ссылки» на имя Александра III. В нем были и такие строки: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губер-

⁸² Тобольский Север глазами политических ссыльных ... С. 403–404.

⁸³ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И330. Оп. 1. Д. 84. Л. 438.

⁸⁴ Там же. Л. 438 об.

⁸⁵ *Роцевская Л.П.* «Сургутская история»... С. 69.

⁸⁶ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И330. Оп. 1. Д. 84. Л. 439–439 об.

⁸⁷ *Роцевская Л.П.* «Сургутская история»... С. 71.

натора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потаенного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи... и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол, или обнародовало, что он принимает на себя ответственность за эти убийства»⁸⁸. Попал этот документ и за границу. Так, американский журналист и общественный деятель Дж. Кенанн в своих материалах о политической ссылке в Сибирь, публикуемых на Западе, отмечал, что «Лев Иванов в буквальном смысле погиб от бюрократической жестокости и равнодушия»⁸⁹.

Выводы

«Сургутский протест» стал своеобразной квинтэссенцией локальных конфликтов, ранее возникавших в западносибирской политической ссылке, в первую очередь в 1880-х гг. в Тобольской губернии, Протесты политссыльных во многом были порождены недалевидностью как центральной, так и местной властей. Стремление власть предержащих собрать в самых «медвежьих углах» губернии наиболее враждебно настроенных к режиму политических преступников было отражением общего курса правительства на подавление любой оппозиции самодержавию. Однако это решение не учитывало многих объективных факторов. Более того, мстительное желание обслуживающих правящий режим чиновников, чему пример Тобольская губерния, покарать и наказать злоумышленников имело в дальнейшем пагубные последствия.

Это проявилось в активизации протестной активности политссыльных, отстаивавших свое человеческое достоинство, всеми доступными для них средствами уже по всей Сибири. Апогеем противостояния власти и политической ссылки стали Карийская и Якутские трагедии 1889 г., окончившиеся уже кровью. И следует особо отметить, что в «якутской бойне», в которой из 32 протестующих 6 было убито и 8 ранено⁹⁰, среди лиц, занимавших наиболее бескомпромиссную позицию, оказалось двое сосланных в Якутию участников «Сургутского протеста» – М.П. Орлов и Н.Л. Зотов. Причем по решению военно-полевого суда Н.Л. Зотова как зачинщика вооруженного сопротивления ссыльных вместе с Л.М. Коганом-Бернштейном и А.Л. Гаусманом казнили⁹¹.

Таким образом, можно утверждать, что, провоцируя непродуманными решениями первые одиночные и групповые протесты политссыльных в больших и малых населенных пунктах Западной Сибири, местные власти, уверенные в своей безнаказанности, сеяли ветер, а бурю уже пожали в Восточной Сибири и Якутской области. Следствием сначала «Сургутского протеста», а затем событий, разразившихся в Якутске и на Каре, стало, с одной стороны, еще более обострившееся противостояние власти и радикальной оппозиции внутри страны, что привело в начале 1900-х гг. к новому революционному подъему. С другой стороны, эти события, получившие мировую огласку⁹², нанесли серьезные имиджевые потери российскому самодержавию, а западное общественное мнение стало склоняться в сторону поддержки русских революционеров.

Рукопись поступила: 4 ноября 2019 г.

Submitted: 4 November 2019

⁸⁸ Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. // Красный архив. 1930. С. 210.

⁸⁹ *Роцевская Л.П.* Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 5. С. 130.

⁹⁰ *Брагинский М.А.* Якутская трагедия – 22 марта (3 апреля) 1889 года. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925. С. 17.

⁹¹ Там же. С. 23.

⁹² *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 261–263; *Good E.* America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273–287.

Библиографический список

- Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 504 с.
- Галиев В.З.* Ссылные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Казахстан, 1978. 138 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы (1870–1900). М.: Юридическое издательство, 1981. 247 с.
- Ивановская П.С.* Документы о смерти Сигиды // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 108–127.
- Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. 496 с.
- Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 265–277.
- Колосов Е.Е.* Государева тюрьма – Шлиссельбург. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 328 с.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). М.: БЛИЦ, 1999. 396 с.
- Кротов М.А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным материалам. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. 242 с.
- Круссер Р.Г.* Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142–151.
- Лурье Г.* Журнал безвременья // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 141–165.
- Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Прага: [Б.и.], 1935. 135 с.
- Майнов И.И.* На закате народолюбия (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41–81.
- Мауль В.Я.* Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории Якутской политической ссылки) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 80–87.
- Милевский О.А.* Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 2. С. 100–108.
- Мельшин Л.* Vaee Victis! (Две трагедии 1889 года в Сибири) // Русское богатство. 1906. № 1. С. 1–18.
- Паишев А.М.* Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX вв.: опыт переосмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2012. № 2. С. 112–126.
- Пелевин Ю.А.* «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 38–50.
- Пелевин Ю.А.* Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 80–83.
- Ростов Н.* Карийская трагедия. М.: Гудок, 1927. 62 с.
- Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. 177 с.
- Роцевская Л.П.* «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень: [Б.и.], 1977. С. 48–82.
- Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень: ТГУ, 1976. 137 с.
- Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской, В.К. Белобородова. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998. 429 с.
- Роцевская Л.П.* Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 5. С. 130–157.
- Ретунский В.Ф.* Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут: «Северный дом», 1992. 206 с.
- Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М.: Наука, 1968. 447 с.
- Степняк-Кравчинский С.М.* Россия под властью царей // С.М. Степняк-Кравчинский. Сочинения. М.: Художественная литература, 1987. С. 140–185.
- Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 576 с.
- «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / под ред. Н.М. Дмириенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
- Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.
- Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: Саратовский университет, 1983. 423 с.
- Швецов С.П.* К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
- Швецов С.П.* Николай Яковлевич Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 210–225.

- Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273–287.
- Slulis T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *Russian Review*. 1970. Vol. 29. № 3. P. 275–285.
- Skok H. Polacy nad Bajkalem 1863–1883. Warszawa: Państw. wyd-wo naukowe, 1974. 161 c.

References

- Bogdanovich, A.V. *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik*. Moscow: Novosti Publ., 1990 (in Russian).
- Dmirienko, N.M., ed. *'Sibirskaya gazeta' v vospominaniyakh sovremennikov*. Tomsk: NTL Publ., 2004 (in Russian).
- Galiyev, V.Z. *Ssyl'nyye revolyutsionery v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX v.)*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1978 (in Russian).
- Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my (1870–1900)*. Moscow: Yuridicheskoye izdatel'stvo Publ., 1981 (in Russian).
- Good, E. "America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905." *Russian Review* 41, no. 3 (1982): 273–287.
- Ivanovskaya, P.S. "Dokumenty o smerti Sigidy." *Katorga i ssylka*, no. 11 (1929): 108–127 (in Russian).
- Kazaryan, P.L. *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* Yakutsk: Sakhapoligrafizdat Publ., 1998 (in Russian).
- Kachinskaya, E. "Polyaki v Sibiri (1815–1914). Sotsial'no-demograficheskiy aspekt." In *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda*, 265–277. Moscow: Ladomir Publ., 2002 (in Russian).
- Kolosov, Ye.Ye. *Gosudareva tyur'ma – Shlissel'burg*. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1930 (in Russian).
- Konovalov, V.V., ed. *Sibirskiy i tobol'skiy gubernatory: istoricheskiye portrety, dokumenty*. Tyumen': Tyumenskiy izdatel'skiy dom Publ., 2000 (in Russian).
- Kennan, Dzh. *Sibir' i ssylka. Putevyye zametki (1885–1886 gg.)*. Moscow: BLITS Publ., 1999 (in Russian).
- Krotov, M.A. *Yakutskaya ssylka 70–80-kh godov. Istoricheskiy ocherk po neizdannym materialam*. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1925 (in Russian).
- Krusser, R.G. "Politicheskaya ssylka i 'Sibirskaya gazeta'." *Sibirskiy ogni*, no. 3 (1969): 142–151 (in Russian).
- Lazarev, Ye.Ye. *Moya zhizn'*. Praga: [S.n.], 1935 (in Russian).
- Lur'ye, G. "Zhurnal bezvremen'ya." *Katorga i ssylka*, no. 6 (1931): 141–165 (in Russian).
- Maynov, I.I. "Na zakate narodovol'chestva (Pamyati V.YA. Bogucharskogo)." *Byloye*, no. 5–6 (1917): 41–81 (in Russian).
- Maul', V.Ya. "How Ivan Ivanovich quarreled with Egor Gavrilovich (from the history of the Yakut political exile)." *Tomsk State University Journal of History*, no. 48 (2017): 80–87 (in Russian).
- Milevskiy, O.A. "Traveller's birth: geographical researches of D.A. Klements in the Minusinsk Exile (1882–1886)." *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*, no. 2 (2017): 100–108 (in Russian).
- Mel'shin, L. "Vae Victis! (Dve tragedii 1889 goda v Sibiri)." *Russkoye bogatstvo*, no. 1 (1906): 1–18 (in Russian).
- Pashkov, A.M. "Political exile and the development of local history in the Russian North in the 20th – early 20th centuries: the experience of rethinking." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2012): 112–126 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. "Khozhdeniye v narod' 1874–1875 gg." *Voprosy istorii*, no. 6 (2013): 38–50 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. "Zheliabov and other terrorists: the regicide attempt near Alexandrovsk." *Russian History*, no. 5 (2015): 80–83 (in Russian).
- Rostov, N. *Kariyskaya tragediya*. Moscow: Gudok Publ., 1927 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. *Revolutsionery – raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii*. Leningrad: LGU Publ., 1983 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. "'Surgutskaya istoriya' (Volneniya politicheskikh ssyl'nykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri)." In *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolutsionnoy Rossii*, 48–82. Tyumen': [S.n.], 1977 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. *Istoriya politicheskoy ssylki v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. (60 – nachalo 80-kh godov)*. Tyumen': TGU Publ., 1976 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P., and V.K. Beloborodov, eds. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka*. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1998 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. "Navechno i yeshche 10 let." *Ural*, no. 5 (1976): 130–157 (in Russian).

- Retunskiy, V.F. *Gosudarstvennyye prestupniki. Stranitsy istorii politicheskoy ssylki v Zaural'ye*. Surgut: Severnyy dom Publ., 1992 (in Russian).
- Shvetsov, S.P. “K ‘predystorii’ Yakutskoy boyni.” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1929): 119–128 (in Russian).
- Shvetsov, S.P. “Nikolay Yakovlevich Falin.” *Katorga i ssylka*, no. 3 (1925): 210–225 (in Russian).
- Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. *V londonskoy emigratsii*. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. “Rossiya pod vlast'yu tsarey.” In *S.M. Stepnyak-Kravchinskiy Sochineniya*, 140–185. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1987 (in Russian).
- Slulis, T. “George Kennan: Russian Specialist of the 1890s.” *Russian Review* 29, no. 3 (1970): 275–285.
- Skok, H. *Polacy nad Bajkalem 1863–1883*. Warszawa: Panstowowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1974 (in Polish).
- Troitskiy, N.A. *Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti: 1866–1895 gg.* Moscow: Mysl' Publ., 1979 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *Narodnaya volya' pered tsarskim sudom (1880–1894)*. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1983 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет.

Oleg A. Milevsky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University.